

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

О. Н. Ноговицын

**СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕОРИИ ВЛАСТИ**

Текст лекции

Санкт-Петербург
2006

УДК 34
ББК 66.0
Н 76

Ноговицын, О. Н.

Н76 Современные теории власти: текст лекции / О. Н. Ноговицын;
ГУАП. – СПб., 2005. – 40 с.

В тексте лекции рассматривается проблема истолкования феномена власти и, в частности, государственной власти в современных социально-философских и социологических теориях.

Предназначен для самостоятельной работы студентов и аспирантов, изучающих курс философии.

Рецензенты:
кафедра социальной философии СПбГУ;
кандидат философских наук, доцент *Н. Б. Николаев*

Утверждено
редакционно-издательским советом университета
в качестве текста лекции

Учебное издание

Ноговицын Олег Николаевич

**СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕОРИИ ВЛАСТИ**

Текст лекции

Редактор *Г. Д. Бакастова*
Компьютерная верстка: *М. А. Морозов*

Сдано в набор 17.10.05. Подписано к печати 03.03.06. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 2,45. Усл. печ. л. 2,33. Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 150 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Отдел электронных публикаций и библиографии библиотеки
Отдел оперативной полиграфии
ГУАП
190000, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, 67

© ГОУ ВПО «СПбГУАП»

Введение

Вопрос о власти в современной констелляции актуальных вопросов политической и общественной практики занимает важнейшее положение. Как таковой он осмысливается с точки зрения поиска условий и реальных оснований политико-экономического равновесия в современном «глобализирующемся» мире, т. е. определения почвы, на которой было бы возможно создать эффективную систему поддержания безопасности и социального порядка во всемирном масштабе. Претензии США на роль единственного центра власти, способной защитить мировую демократию, проблема терроризма, глобальные экономические, политические и экологические угрозы – феномены, свидетельствующие о том, что традиционное представление о власти и государстве как центре ее сосредоточения в целях достижения «общего блага» народа должно быть теоретически скорректировано, поскольку современная практика социополитических взаимодействий принимает все более неадекватные данному традиционному представлению формы. С одной стороны, со всей отчетливостью обнаруживается недостаточность нормативно-правового определения социального порядка как эксклюзивного вида теоретического понимания условий нормализованного социального общения и практической формы поддержания этих условий. Власть права несводима к самому праву, понимаемому исходя из очерка представленных в законодательных актах нормативных предписаний, поскольку условия применения и признания норм несводимы к самим фиксированным в формулировках законов нормам права. С другой стороны, собственная реальность власти свидетельствует об ее *избыточном* по отношению к непосредственным целям осуществления властных полномочий характере. Действие власти спонтанно и, очевидно, не может быть оправдано политико-экономическими соображениями. Безумие власти, ее неподотчетность рациональным критериям морального или экономического свойства, проявляется непосредственно и повсеместно от экспансионистской политики авторитарных режимов до тех средств, которые используют их контрагенты – политические режимы развитых демократий. Автономная по отношению к собственным условиям игра власти разрушает нормативную базу определения социального порядка как на глобальном уровне мирового сообщества, о чем свидетельствует кризис в правовом обосновании нормативных условий деятельности ООН, так и на уровне отдельно взятых государств, свидетельством чему является волна «оранжевых революций» в Восточной Европе и Средней Азии и возобновившиеся дискуссии о праве *меньшин-*

ства влиять на политику государства и даже определять ее. Данные эксцессы власти, по существу, лишь в крайней форме выражают специфические процессы, характерные для современного общества и давно очевидные на уровне повседневных практик, будь то «феминизация» политики, борьба за права сексуальных меньшинств и малых наций или призывы к «либерализации» экономики и социальной жизни в условиях их фактической либерализации. Реальное требование всеобщего подтверждения права власти, *избранного* «случайной» конъюнктурой процессов на рынке труда, товаров, политических и социальных взаимодействий в современном обществе, принимает причудливую идеологически откровенную форму борьбы за права каждого как равного всем другим, вне зависимости от половой или национальной принадлежности, сексуальной ориентации, политических пристрастий и религиозных убеждений. И все это во имя создания и поддержания такого социального порядка, при котором подобная мера свободы безопасного осуществления отдельным индивидом своих желаний и представлений о самом себе была бы реализована во всей полноте.

Сам по себе социальный порядок в своем абстрактном определении в качестве специфически историчной нормализованной связи общественных отношений представляет собой неустранимую для социального исследования проблему. И в первую очередь в силу того, что его определение не может быть сведено к той нормативной базе, которая законодательно ограничивает и распределяет социальные действия субъектов, принадлежащих той социальной общности, в которой любой данный социальный порядок господствует.

Любая система норм, законодательно закрепленных в праве, либо норм повседневного общения предполагает соответствующее ей *объективное распределение* социальных институтов (в первом случае) и порядков повседневного социального взаимодействия (во втором). Она является формой идеального представления социального порядка, как 1) *само собой разумеющегося* и 2) как *справедливого*.

Данное представление предполагает, что всякий социальный порядок рассматривается как разумный, соответствующий «здравому смыслу».

Первое представление соответствует повседневному, рутинному режиму существования социальных институтов и любых форм привычного повседневного общения. Данные формы общения принципиальным образом зависят от нерелефлексивного, самопонятного и соответственно не доступного критике смысла общения, который разделяется всеми участниками взаимодействия. По поводу смысла повседневного общения уже существует *взаимопонимание*, либо в экстренных случаях (новый человек в группе; не знающий правил общения; неадекват-

ные режиму взаимодействия в группе психологические состояния, возникающие у членов группы и непроизвольно привносимые в общение; необходимость решения нетривиальных задач, возникающих при взаимодействии с внешним окружением) – оно может быть достигнуто. Подобное предположение составляет фундаментальное условие повседневной социальной практики и представляется ее агентам самоочевидным. Достижение взаимопонимания возможно лишь постольку, поскольку на это направлено само общение, т. е. все субъекты взаимодействия признают принадлежность друг друга к единому социальному организму. Не удивительно, что любого рода критика оснований, на которых строится рутинная практика повседневности либо нестандартное поведение в группе, по крайней мере первоначально, принимаются членами группы за неразумность и даже сумасшествие. Поэтому всякая новизна должна быть объяснена, т. е. оправдана с точки зрения групповых целей. В противном случае группа в силах применить соответствующие санкции (различные формы увещевания и остракизма).

В т о р о е представление о самоочевидности и справедливости социального порядка предполагает единство институциональной структуры данного конкретного порядка. При этом все формы общения (социального действия) и организации, не соответствующие представлению о таком единстве структуры социального порядка, объявляются незаконными и противоправными. Подобное единство, по крайней мере, в современном обществе осознается как единство *государственного права*, отражающего нормативную базу существования данного конкретного общества и письменно закрепленного в законодательстве конкретных государств. Соответственно любое социальное действие, противоречащее нормативной системе распределения права, с точки зрения социального порядка, рассматривается как неправовое и должно быть урегулировано посредством соответствующих санкций. Данные санкции составляют подсистему любого рода права и предполагают наличие институтов, наделенных властью эти санкции осуществить. В современном обществе данной властью законодательно обладает государство. Конечно, в повседневной практике отдельные виды конфликтов могут быть улажены посредством обращения к авторитетным в той или иной группе (семья, общественная или политическая организация, производство и т. д.) лицам, являющим пример безошибочного следования норме социального взаимодействия в каждой данной группе. Тем не менее, несмотря на последнее обстоятельство, следует признать, что в современном обществе высшей инстанцией поддержания социального порядка является государство, и только оно обладает окончательным правом применения физической силы для разрешения социальных кон-

фликтов. Именно право применения силы для поддержания незыблемости социального порядка в любой сфере социального бытия, где возникают конфликтные отношения, с этой точки зрения является важнейшим аспектом *классического определения государства*. Другие аспекты определения государства, такие, как единство территории и народа, о благе которого государство берет на себя обязанность заботиться, только раскрывают данный его важнейший аспект. Любые действия государства, декларативно направленные на достижение общественного блага, т. е. поддержание правопорядка, подкрепляются этой угрозой законного применения силы на той территории, которая помещается в пространственных границах, где по праву возможно подобное законное властное воздействие. Все элементы данного определения государственной власти наиболее емко представлены в классическом определении Макса Вебера: «...Государство есть человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (и с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*»¹.

Различие между повседневными практиками социального взаимодействия (в том числе и в пределах разнообразных официальных институтов власти) и политической сферой взаимодействия общественности и власти, получающей свою определенность из понятия государства, как привилегированной точки сосредоточения властных полномочий, само по себе неоднозначно. Правовое обеспечение феномена сосредоточения власти и, прежде всего, права на физическое насилие в рамках государственных институтов, свойственное современному обществу, является источником теоретической иллюзии, выражающейся в сведении феномена политики исключительно к борьбе за высшую государственную власть. Как следствие, с одной стороны, государство представляется в качестве единственного привилегированного носителя политической власти, которому в рамках демократической формы правления данная власть делегируется народом; с другой стороны – в качестве сферы государственной власти, а следовательно, и *власти вообще*, непосредственно ограничиваемой политической сферой.

Данное обстоятельство выражается в непосредственном соответствии *классического понятия власти*, которое не утратило своего значения до сих пор², *классическому понятию государства*. Классической теории присущи следующие черты интерпретации власти:

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

² Можно указать на сравнительно недавний анализ власти на уровне «субъекта, принимающего решения» и «системы, распределяющей власть» (произведенный Д. Беллом: *Bell D. Power, influence and authority: An essays in political linguistics*. N. Y., 1975), а также различные концепции, трактующие власть в терминах «покушение на автономию» и «внешнее влияние» (например: *Т. Болл, Власть // Психология и психоанализ власти*. Самара, 1999. Т. 1).

1) на микроуровне власть осмысливается как сознательное действие субъекта, связанное с областью эгоистических мотивов, цель которого – воздействие на другого;

2) на макроуровне власть отождествляется с системой государственных институтов, определяемых законом;

3) способ бытия власти характеризуется, преимущественно, в негативных категориях: власть отождествляется с репрессивностью – негативными санкциями, способностью наказывать, ограничивать, запрещать.

Очевидно, что первый и второй аспекты классического понятия власти отсылают нас к понятию субъекта, которому приписывается способность «иметь власть» точно так же, как и способность владеть богатством. Что касается третьего аспекта, то он указывает на наличие у власти «эмпирических» ресурсов, при помощи которых она может воздействовать на свой объект.

Подобное понятие власти и государства проблематично *и теоретически, и практически*, поскольку всякое теоретическое представление о власти, будучи сформировано в объективной ситуации властных взаимоотношений, является условием практического действия власти.

В юриспруденции данная проблема проявляется в виде правовой проблемы *суверенитета*. Проблема суверенитета состоит в необходимости четкого правового определения инстанции, которой принадлежит суверенитет, т. е. *абсолютная и непрерывная власть*, в государстве. В пределах правового обеспечения представительной демократии суверенитет законодательно принадлежит народу. Однако само право использования суверенитета, т. е. право властного воздействия (в крайней форме право применения физической силы), делегируется государству. В связи с этим возникает *проблема политического решения в условиях чрезвычайного положения*, когда правовые нормы по тем или иным причинам более не способны обеспечить правопорядок в обществе. Ясно, что данная проблема непосредственно выражается в вопросе о том, какая инстанция государственной власти имеет право принять решение об объявлении чрезвычайного положения, т. е. принять решение, приостанавливающее действие норм обычного права. При этом очевидно, что при принятии подобного решения приостанавливается действительность всей совокупности норм права, если инстанция, принимающая подобное решение правовым образом, не определена.

В современных демократиях процедура решения о чрезвычайном положении регулируется законом и выражается в форме его согласования различными ветвями власти (законодательной, исполнительной и судебной). Тем не менее наличие правового определения данной проце-

дуры не разрешает названной проблемы как в юридическом, так и в социологическом смысле.

В ю р и д и ч е с к о м смысле сохраняется *правовой парадокс*, который можно назвать парадоксом самого понятия права. *Право включает в себя элемент решения о собственной отмене*. Отсюда следует, что понятие суверенитета (а следовательно, и власти) как высшей инстанции определения социального порядка, данное через правовое определение единства общества (народа), не совпадает с понятием нормативного правопорядка. Иначе говоря, право как субъективное решение о способе установления социального порядка не совпадает с собственным нормативным содержанием и нуждается в авторитетном субъекте, способном данное решение принять, т. е. установить социальный порядок.³

Соответственно в социологическом смысле как норма права, так и возможность ее отклонения, зависят от компетентности, а следовательно, авторитета лица (реже института), принимающего решение, активного доверия, оказываемого ему в обществе. Данное лицо или институт в каждом конкретном случае как раз и оказываются носителями реального суверенитета и государственной власти. Именно невозможность теоретически и практически устранить субъективное решение из понятия права является средой всякий раз возникающих в кризисных для общества ситуациях опасений по поводу тоталитарной опасности, грозящей демократии, и всевозможных спекуляций по этому поводу. Свежим примером подобного кризиса являются события осени 2004 г. на Украине, произошедшие в связи с выборами президента. Дело дошло до того, что все ветви власти в своих решениях (в том числе и в решении о чрезвычайном положении) вышли за пределы своей компетенции, т. е. за пределы правового поля, и президентом был избран кандидат, которого активно поддержала радикально настроенная часть населения страны.

По сути, кризисную ситуацию в обществе отличает вопрос о необходимости применения силы и о последствиях такого решения, к чему и сводится проблема решения о чрезвычайном положении. При этом современное государство в такой ситуации, как инстанция власти, наделенная данным полномочием, всякий раз оказывается в двусмысленном положении, поскольку оба возможных решения (применять или не

³ Проблема правового определения понятий суверенитета и субъективного решения, по сути, является важнейшей в теоретической полемике об основаниях права, развернувшейся в конце XIX – первой половине XX в. в связи с необходимостью универсального определения правовой базы существования современных демократических государств. Содержательный анализ данной проблемы представлен в классической работе К. Шмидта «Политическая теология» (См. русский перевод: *Шмидт К.* Политическая теология. М., 2000).

применять физическое воздействие) свидетельствуют о его слабости. Если лица, наделенные властными полномочиями, не принимают решение о применении силы, они неизбежно лишаются власти, если, наоборот, принимают, возникает вопрос о их способности управлять страной правовыми методами.

Данное обстоятельство в условиях существования современных демократических государств лишает классическую концепцию власти и государства эпистемологической ценности. Однако в ситуации нормального функционирования общественной системы данная концепция остается основным элементом повседневного представления о власти и государстве. *Непосредственной причиной* подобного парадокса является структурная и психологическая неизбежность отчуждения функций защиты права жизни и собственности во внешней инстанции, свойственная индивиду в высокодифференцированном обществе. Индивид, включенный в структуру современного общества, просто не в состоянии самостоятельно противостоять всем силовым воздействиям, более того, он даже в полной мере не обладает подобным правом. Не удивительно, что в условиях нормального функционирования представительной демократии общественность отдает предпочтение правовым формам взаимоотношения с властью, *сосредоточенной не только в силу действительности правовой нормы самой по себе, но в первую очередь в силу негласного соглашения в институте государства*. Именно поэтому общественность поставлена в условия непрерывной борьбы за государственную власть, т. е. вынуждена стремиться не просто к признанию властью своих социальных проблем в качестве таковых, но и к внедрению во власть собственных представителей, предположительно способных данные проблемы поставить и решить на уровне государственной власти. Система парламентской и президентской демократии, по существу, построена на подобном механизме делегирования власти. Однако практика демократических государств показывает, что данный механизм вовсе не решает социальных проблем всех представителей общества. Тем не менее он остается единственным, способным создать хотя бы иллюзию общественного контроля за решениями власти.

В связи с этим возникает ряд вопросов.

1. Почему скрытые, неопределенные в поле публичной политики социальные проблемы, отражающие норму или, точнее, дисфункцию жизни значительных классов населения, столь редко попадают на публичные арены производства общественного мнения, а стихийные нелегитимные акты протеста, как правило, быстро гаснут и не находят устойчивого отклика в СМИ? Последнее обстоятельство наиболее харак-

терно для «модернизирующихся»⁴ обществ с низким уровнем жизни и социальной защиты населения.

2. Почему механизм представительной демократии, предполагающий процедуру прямого представления общественности властью (представителей власти общественность выбирает из собственных рядов), не обеспечивает не только решение всех потенциально значимых социальных проблем, но и их открытое общественное представление? Для модернизирующихся обществ характерный пример такого положения дел дает Россия. Вряд ли сами демократы, открывшие эпоху модернизации российского общества, смогут объяснить, каким образом режим государственной власти, создававшийся ими по форме представительной демократии, в результате демократических реформ приобрел все черты государственно-олигархической монополии.

3. Почему, даже если кризисная ситуация в современных демократических обществах провоцирует полное изменение кадрового состава высшей государственной власти, механизм представительной демократии принципиально не меняется? Неизменной остается сама нормативная структура государственной власти и, что наиболее важно, не меняется представление о ее функции в общественном сознании и общественной практике. Власть воспринимается исходя из понятия о ней как о *легитимированном в государственных институтах, сознательном силовом воздействии на объект такого воздействия, осуществляемом извне посредством разнообразных негативных санкций*. Иначе говоря, сохраняется понятие власти и государства, прямо противоположное понятию о демократии как власти народа. И более того, именно такое положение дел в общественном сознании подавляющего большинства населения демократических государств признается единственно возможным и само собой разумеющимся. По сути, дискуссия может идти только о доверии или недоверии органам государственной власти (в том числе силовым структурам), но не о ее необходимости. На что и указывают формулировки вопросов в опросных листах по данной тематике, предлагаемых официальными социологическими институтами. В развитых европейских демократиях на общественное сознание в данном вопросе не повлияла даже анархическая студенческая революция 1968 года, оставшаяся в истории современного общества, пожалуй, един-

⁴ Понятие «модерн» (в буквальном переводе – современность) давно уже прочно вошло в научный лексикон всех общественных наук. В применении к конкретным обществам оно означает современные развитые демократические общества. Дискуссионные вопросы философской и социологической тематики «модерна» и «модернизации» подробно рассмотрены Ю. Хабермасом в работе «Философский дискурс о модерне». (См. русский перевод: *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне*. М., 2003).

ственной масштабной попыткой практического осмысления поставленных выше вопросов о природе власти и государства. Напротив, проблема власти в данный период в массовом общественном сознании оказалась сведенной на уровень частного аспекта социальной реальности, т. е. приведена в соответствие с обывательским представлением о роли правоохранительных функций государства, о которых вспоминают только при непосредственном столкновении с противоправными действиями против собственной личности.

Однако требование дать новую дефиницию власти – как интеллектуальное движение – оказалось с 60-х годов XX века в центре внимания мировой философской и социологической мысли. Данное обстоятельство связано в первую очередь с начавшимся в тот момент резким повышением уровня жизни основной массы населения развитых демократий Европы и Америки. Этот процесс, в общественно-научной литературе описываемый как феномен становления так называемого *общества потребления*, привел, с одной стороны, к резкому спаду массового революционного движения и соответственно ослаблению конфликтного потенциала в этих обществах, его дифференциации и рассеиванию на разнообразные локальные этнические, национальные, трудовые и т. д. конфликты. С другой стороны, в условиях роста экономического благополучия, достигнутого исключительно экономическими средствами, со всей очевидностью обнаружилась независимость эффектов власти от любых внешних политическому интересу оснований. Вооруженное подавление Советским Союзом народных революций в Венгрии и Чехословакии, Алжирская война, которую в течение десятилетия вела Франция, вторжение США в Корею и Вьетнам – события, имевшие исключительно политическое значение.⁵ Первая из описанных нами тенденций мирового социально-политического развития наиболее близко была воспринята в американской социологии. Ее теоретическое осмысление получило образцовую форму выражения в функционалистской социальной теории Т. Парсонса, представившего феномен власти в качестве локального, зависимого от других и, тем не менее, необходимого элемента системы социального взаимодействия. Вторая тенденция нашла отклик в среде европейской философской и социологической общественности, породив продолжающуюся до сих пор теоретическую дискуссию о природе власти, в которой ключевые позиции занимают теории власти и государства крупнейших социальных теоретиков последних десятилетий М. Фуко, Ю. Хабермаса и П. Бурдьё.

⁵ См.: Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть (Статьи и интервью 1970–1984 гг.). М., 2002. Т. 1.

1. Функционалистская теория власти Талкота Парсонса

В своей теории власти Т. Парсонс⁶ прямо выступает против *классической* трактовки власти в качестве прямого силового воздействия или его угрозы, разнообразных теорий элит⁷ и марксистской традиции толкования государственной власти как формы силового подкрепления системы классового господства. С точки зрения Т. Парсонса, власть является циркулирующим медиумом (*circulating medium*) в *политической подсистеме* общества. Она может продуцироваться социальной системой подобно тому, как богатство производится предприятием или экономикой. По сути, функции власти в государстве у Т. Парсонса аналогичны функциям денег в *экономической подсистеме*. Соответственно и государство осмысляется им только как одна из подсистем социальной структуры общества. Власть представляет собой некий мандат, который дает возможность его носителям оказывать влияние на подчиненные группы в более или менее широких рамках. При этом использование власти представляет собой средство достижения целей, в которых заинтересованы обе стороны властных отношений: господствующая и подчиненная. Так же как деньги имеют ценность, поскольку являются результатом коллективного соглашения о правилах их использования, власть становится средством для достижения коллективных целей через соглашение членов общества о легитимации лидерских позиций. Легитимация обеспечивает лидеров возможностью принимать политические решения для достижения целей всей социальной системы.

Власть – это прямая производная авторитета (*authority*), который представляет собой институционализованную легитимацию, лежащую в основе власти. Авторитет определяется как институционализация прав лидеров, ожидающих поддержки членов коллектива. Т. Парсонс отделяет власть от силы. Согласно Т. Парсонсу, в стабильных политических системах сила обычно используется в качестве последнего аргумента только в тех ситуациях, где другие санкции оказались неэффективными. Таким образом, обладание силой само по себе не может являться достаточным критерием власти.

Подчеркивая функционально-коммуникативный аспект феномена власти, к чему и сводилось ее уподобление деньгам, Т. Парсонс упустил конфликтную составляющую властного воздействия и соответственно

⁶ См.: *Parsons T. The distribution of power in American society // Structure and Process in Modern Societies // Free Press. 1960; Idem. On the concept of political power // Proc. Amer. Philos. Soc., 1963. Vol. 107; Idem. Some reflections on the place of force in social process // Internal War, Free Press. 1964.*

⁷ Прежде всего, теории «властвующих элит» Райта Миллса.

сохранил самоочевидную для классического понятия о власти связку *власть – государство – политика*, лишь ограничив действие власти особой политической сферой социального бытия, посредством указания на то, что осуществление власти в условиях демократических режимов не может быть сведено к применению силы. Применение силы, прежде всего, внутри страны, как это было показано выше, лишает власть в рамках демократического правления правовой легитимации. На этот момент вскоре указали его критики (Э. Гидденс⁸, Ю. Хабермас⁹ и др.). С их точки зрения рассмотрение власти как «денег политики» невозможно по нескольким основаниям.

1. Деньги являются измеряемыми, в то время как власть невозможно точно измерить. Она всегда скрывает в себе неизмеримый потенциал, который может актуализироваться.

2. Денежные инвестиции, как правило, приносят прибыль, в то время как инвестиции власти (в особенности крупные) имеют противоположный эффект – появление сопротивления, ослабление и дифференциацию.

3. Наконец, власть по своей природе не является циркулирующим, наподобие денег, медиумом. Для того чтобы власть в обществе начала эффективно циркулировать, она требует дополнительного базиса – легитимации.

Данная критика понимания власти как «денег политики» имела огромное значение для преодоления наивного классического представления о власти. Она привлекла внимание к принципиальной характеристике власти – ее потенциальному характеру, продемонстрировав невозможность ее редукции исключительно к эмпирически фиксированным ресурсам и проявлениям, и в первую очередь – к ресурсу социальной коммуникации.

2. Дискуссия Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса о природе власти

Черты современного понимания феномена власти наиболее отчетливо выявились в полемике крупнейших философов и социологов второй половины XX века Ю. Хабермаса и М. Фуко, в которой нашли отражение все представленные выше апории власти и государства. Данная полемика продолжается до сих пор в работах их последователей¹⁰.

⁸ Giddens A. Power in the recent writings of Talcott Parsons // *Sociology*. 1968. Vol. 2. P. 257–270.

⁹ Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press, 1984. Vol. 2.

¹⁰ См.: Foucault: A Critical Reader. Oxford: Blackwell, 1986; Critique and Power: Recasting the Foucault // Habermas Debate. Cambridge, Mass., L.: MIT Press, 1994; Foucault contra Habermas: Recasting the Dialogue between Genealogy and Critical Theory. L.: Sage Publications, 1999.

Собственную методологию исследования власти М. Фуко называет «аналитикой власти» и противопоставляет ее «классической теории власти». Конкретной формой аналитики власти является генеалогия, методологическая процедура, задание которой заключается в выявлении форм исторической взаимообусловленности дотеоретического и теоретического знания, а также научного и публичного дискурса, с одной стороны, и соответствующих им режимов власти – с другой. Фактически, определенную историческую форму знания и определенную историческую форму власти невозможно отделить друг от друга. Утверждение режима власти (его институциональное закрепление) сопровождается утверждением определенного знания (иерархии знания), которое продуцирует новые формы подчинения человека и наоборот. Поэтому М. Фуко считает целесообразным говорить про «режимы власти-знания» (*puissance-savoir*), разнообразие которых можно наблюдать в истории. Смена режимов власти-знания осмысливается не как последовательная трансформация традиционных практик, а как «разрыв».

Чем М. Фуко не устраивала классическая теория власти? В чем заключается преимущество генеалогии? Классическая теория власти, по его мнению, предлагает модель (М. Фуко называет ее «дискурсивно-юридической»¹¹), в соответствии с которой власть интерпретируется следующим образом.

1. Власть понимается по аналогии с собственностью как совокупностью благ, которыми можно владеть, пользоваться и распоряжаться. По мнению М. Фуко, такая аналогия между властью и товаром распространилась, в первую очередь, в либеральных теориях: «Эта теоретическая конструкция базируется на идее, в соответствии с которой конституция политической власти подчиняется модели легальной интеракции, втянутой в контрактный тип обмена (отсюда через все эти теории проходит сравнение власти с товаром и богатством)»¹². Понимание власти по аналогии с собственностью производит понятие суверенитета: «власть является той конкретной властью, которой владеет каждый индивид и частичная или полная передача которой делает возможными политическую власть и суверенитет»¹³.

2. Власть интерпретируется по принципу бинарной оппозиции: всегда есть субъект и объект власти, тот, кто осуществляет власть, и тот, по отношению к кому власть осуществляется. Если власть является своеобразной собственностью, то становится очевидным факт «нерав-

¹¹ См.: Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. М., 1996.

¹² Foucault M. Two Lectures // Power and Critic. Cambridge, Massachusetts and London, England: MIT Press, 1994. P. 26–27.

¹³ Ibid. P. 27.

ного распределения» власти среди субъектов, вследствие чего одни субъекты получают возможность применять свою власть по отношению к другим. Таким образом, власть – это система господства, в которой имеются субъект и объект. Олицетворением этой системы является государство, в котором субъект-объектность власти юридически фиксируется.

3. На микроуровне власть связывается, преимущественно, с рациональным выбором субъекта. Если власть оказывается специфической формой собственности субъекта, то именно субъект решает вопрос ее применения, распределения или передачи. Власть, таким образом, – это атрибут целерационального действия.

4. Способ бытия власти – репрессивность. Именно в принуждении, репрессии наиболее полно выражает себя власть. Сущность власти выражается именно в том, что она может заставлять и наказывать. В этом смысле она тождественна государству и законодательству.

5. С негативностью власти связан и ее «внешний» характер. Власть всегда действует извне, она не является имманентной характеристикой тех регионов бытия, в которых проявляется. Власть всегда навязывается, порождая репрессивные отношения. Так, например, она вмешивается в аутентичную, самостоятельную область коммуникативной практики и тем самым искажает последнюю.

Если такая модель понимания власти была еще оправданной при анализе домодерного европейского общества, то ее применение к современным (современным) практикам власти уже не может быть адекватным. Ведь тот тип режима власти-знания, который начал утверждаться в конце XVIII – начале XIX века, уже никак нельзя назвать репрессивным. Это кажется очевидным, если принять во внимание просвещенческую идею «гуманизации власти». Так, в XIX веке исчезает практика телесных наказаний. То, что еще каких-то полвека назад казалось нормальным и даже обычным явлением (например, публичное четвертование), начинает восприниматься европейцем «просвещенного века» как варварство. Главным заданием пенитенциарных институтов становится не изоляция опасных для общества элементов, а их «исправление», «нормализация», то есть в конце концов возможность возвращения к общественной жизни. Неотъемлемым институтом судебной системы становится институт экспертов (в первую очередь медицинских), благодаря которому появляются принципиально новые предметные массивы знания – «душевнобольные», «проблемные дети» и т. д. Власть становится более мягкой не только в области наказаний, но и в сфере трудовых отношений (гигиена труда, права труда и т. д.), сексуальности (раз-

решение на включение сексуальности в научный и даже публичный дискурс), детского воспитания (педагогизация) и т. д.¹⁴

Таким образом, современную власть нельзя определять как репрессивную. Скорее наоборот, она манифестирует либерализацию и гуманизацию социальной жизни. Однако на самом ли деле такая либерализация и гуманизация означают ослабление власти? Означает ли это, что власть отказывается от части самой себя? По мнению М. Фуко, под маской гуманизации власти скрывается неординарное событие: смена режимов власти-знания с *классического*, домодерного, на *дисциплинарный*. Общей характеристикой такой смены является то, что власть начинает использовать более тонкие и опосредованные механизмы влияния. В отличие от предыдущего режима, дисциплинарная власть не исключает и дисквалифицирует, а наоборот – включает и стимулирует, не уничтожает, а исправляет и нормализует.

На микроуровне дисциплинарная власть проявляется как «политическая анатомия тела» (*anatomie politique du corps*)¹⁵: власть начинает заботиться о продуктивности тела, эффективности использования его сил и энергий. Дисциплинарная власть конституирует феномен «политического тела» «как ансамбля материальных элементов и техник, которые служат инструментами, путями коммуникации и базовыми пунктами отношений власти и знания...»¹⁶. По отношению к политическому телу возникает и особая техника – «микрорфизика власти» как проникновение власти в наиглубочайшие нюансы человеческого тела (в частности, в сексуальность) с целью его полного контроля и включения в свои отношения. Подобное проникновение происходит благодаря инвестициям власти в знания, через которое она и получает доступ к соответствующим сферам человеческого бытия. Появление экспертов в медицине, психологии, педагогике, гигиене и т. д., целью которых является тестирование человеческого тела и его нормализация – проявления такого инвестирования. При помощи политической анатомии человеческого тела дисциплинарная власть достигает дрессуры, оптимизации и повышения эффективности использования тел, воспитания покорности, развития человеческих способностей, интеграции тела в систему контроля.

На макроуровне дисциплинарный режим проявляется как «Био-власть» (*Bio-pouvoir*)¹⁷, заданием которой является оценка, оптимальное использование и увеличение «человеческих ресурсов». Био-власть создает новые типы институтов – регулярную армию, обязательное образование,

¹⁴ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2000.

¹⁵ Там же. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Фуко М. Воля к знанию. С. 238–268.

медицинскую профилактику и т. д. В сфере знания Био-власть связана с демографией, которая заботится о «народонаселении», повышении рождаемости, равномерном распределении «человеческих ресурсов».

Таким образом, дисциплинарный режим власти-знания уже невозможно мыслить в терминах классической теории власти. Более того, анализ в терминах этой теории, ограничивающей сферу власти государством, целерациональной деятельностью и репрессивностью, лишает нас возможности усмотреть специфику дисциплинарной власти.

М. Фуко выстраивает свою аналитику власти антитетично по отношению к классической теории. В первую очередь, аналитика должна провести редукционистскую работу и избавиться от зависимости понимания власти в соответствии с общепризнанными концептами – собственности, бинарной оппозиции, рационального действия, репрессивности, внешности. На фоне методологического «взятия в скобки» вышеуказанных концептов, вычленяется новое предметное поле исследования власти.

Во - п е р в ы х , власть не следует мыслить по аналогии с товаром, которым можно владеть, пользоваться и распоряжаться, поскольку ее функционирование практически не зависит от ее носителя. «Власть может быть проанализирована как нечто, что циркулирует, или, скорее, как нечто, что может функционировать лишь в форме цепочки. Она никогда не локализуется здесь или там, она никогда никому не принадлежит, ею никогда нельзя владеть по образцу того, как владеют властями или богатствами»¹⁸. Таким образом, власть является своеобразным циркулирующим в обществе медиумом структурно связанных, но субъективно не определенных, а следовательно, лишенных центральной точки легитимации позиций.

Во - в т о р ы х , власть не является отношением доминирования субъекта над объектом. Объекта власти в том смысле, как его мыслила классическая теория, вообще не существует. Ведь объект власти означает «лишенность власти», однако «там где есть власть, там всегда есть и сопротивление, которое никогда не находится по отношению к этой власти во внешней позиции»¹⁹. И даже там, где мы наблюдаем ситуативное доминирование определенной силы, всегда может произойти реверсия. Контрвласть, а также соответствующие ей маргинальные формы дискурса, всегда имплицитно господствующей властью и соответствующим ей «тотализирующим дискурсом».

В - т р е т ь и х , власть не является субъективной способностью. Действительно, власть всегда осуществляется через индивидуальные мо-

¹⁸ Foucault M. Two lecture. P. 36.

¹⁹ Фуко М. Воля к знанию. С. 259.

тивы и интересы, но она никогда не тождественна им. Тезисы о медиативности и ситуативности власти заставляют предположить, что субъективные мотивы и интенции – лишь инструменты отношений власти, «тактики», задействованные в глобальной анонимной игре власти.

В-четвертых, власть может проявляться через негативные санкции, однако любой режим власти-знания, в своей основе является «позитивным», поскольку он обязательно продуцирует определенные массивы научного и донаучного знания. Это касается не только дисциплинарного, но и домодерного режима власти-знания. Суверенитетный режим тоже выработал свой массив знания, связанный с процедурами и техниками «признания» (*aveu*), которые, начиная со Средневековья, рассматриваются как привилегированные формы выявления истины. Эти факты лишь подтверждают справедливость одного из принципиальнейших выводов М. Фуко: механизмы власти – это нечто иное или, по крайней мере, нечто значительно большее, чем репрессия.

В-пятых, власть всегда имманентна тем сферам бытия, в которых она проявляется. Она никогда не является простым внешним воздействием. Если в определенной сфере социальных отношений имеют место эффекты власти, это означает, что власть имманентно присуща этим сферам. Элементарной формой проявления власти является «локальный очаг» (*foyer local*) власти-знания, например отношения, имеющие место между учителем и учеником, врачом и пациентом, руководителем и подчиненными, отцом и сыном. Все общество представляет собой «сеть» таких локальных очагов власти-знания.

Таким образом, М. Фуко разрабатывает принципиально новую методологию исследования власти. Несмотря на то, что ее непосредственной целью является анализ власти в современных европейских обществах, она касается формального определения власти как таковой. Если «политическая анатомия тела», «микрофизика власти», «Био-власть» – являются специфическими определениями дисциплинарной стратегии, то медиативность, ситуативность, асубъективность, позитивность и имманентность – формальными характеристиками власти как таковой.

Обобщая концепцию власти М. Фуко, необходимо обратить внимание на такие моменты.

1. Опираясь на исследование имманентности и ситуативности власти, М. Фуко фактически отождествляет ее с социальными отношениями. Любая интеракция или коммуникация всегда опосредована игрой «неравных сил». М. Фуко критикует любые попытки локализовать власть исключительно в рамках политической системы: такая «системная парадигма» власти отрывает этот феномен от его укорененности в повседневной социальной практике и неправомерно сужает сферу его

осуществления. Специфическими социально-историческими формами, которые конституируют, с одной стороны, самые утонченные, капиллярные механизмы власти, с другой – ее большие, институционализованные формы, являются режимы власти-знания. Именно они придают разнообразию отношений власти определенное единство сущностного стиля в том или ином обществе.

2. Критикуя классическую теорию власти, М. Фуко последователен в отказе от любых апелляций к методологической установке «перспективы участника», то есть от апелляции к субъекту и его интенциям. Следствие этого – отказ от того, что Фуко называл «лабиринтными вопросами»: «Кто имеет власть?», «Какой является действительная цель того, кто имеет власть?», «По праву ли кто-то имеет власть?» и т. д. Другими словами, Фуко пробует разработать такую методологию исследования власти, которая бы снимала вопрос о ее легитимности или нелегитимности.

3. В соответствии с этой методологической установкой основными категориями аналитики власти становятся «сила» и «тело». М. Фуко не конкретизирует понятие силы, придавая ему максимально общий характер. Привилегированным местом проявлений силы является не субъект, а «тело», точнее, «витальный субстрат», на котором власть рисует свои фигуры.

Таким образом, с точки зрения М. Фуко, власть оказывается фундаментальной формой социальных взаимоотношений вообще, а всякое стремление к взаимопониманию и сама форма повседневных практик – лишь тактическим маневром в конфликтном пересечении силовых полей власти. В силу этого все формы легитимации власти, в том числе вся сфера политики, рассматриваются им в качестве поверхностных проявлений конкретного режима власти-знания. Именно режим власти-знания является определяющей формой существования конкретного общества. Он не совпадает ни с нормой социального порядка, ни тем более с субъективным актом решения. Норма является всего лишь поверхностной теоретической формулировкой господствующих отношений сил и обладает значением только в силу наличия таких отношений. А политическое решение получает историческую значимость не посредством отсылки к субъекту решения, но посредством точного совпадения формы политического акта и силовой линии практического («телесного») производства властного отношения.

Именно против тотального сведения всех общественных взаимосвязей к структуре власти-знания, характерного для концепции М. Фуко, выступает Ю. Хабермас. С точки зрения Ю. Хабермаса, общество может исследоваться в двух методологических плоскостях: *«жизненного*

мира» и «системы», представляющих собой принципиально различные формы социального бытия. При этом, анализируя опыт «жизненного мира», Ю. Хабермас непосредственно обращается к *феноменологическим* исследованиям повседневности, принимая, таким образом, основные теоретические положения феноменологии повседневности²⁰. Жизненный мир включает в себя «культуру» как запас знания, необходимый для интерпретации, «общество» как легитимный порядок и социализированных, коммуникативно-компетентных «индивидов». Когда мы говорим о жизненном мире, то всегда имеем в виду определенные традиционные формы сосуществования и общения, к которым мы изначально образом приобщены и в которых протекает наш ежедневный опыт. Система, наоборот, представляет собой сферу формально-организованного действия. Если для жизненного мира конститутивным выступает язык и общение, для системы – внеязыковые медиумы координации действий: власть (для политико-административной подсистемы) и деньги (для экономической подсистемы). Если жизненный мир функционирует по принципам коммуникативной рациональности, целью которой является согласие (взаимопонимание), то система – по принципам целевой и стратегической рациональности, целью которой является успех действия. Таким образом, если в основе жизненного мира лежит коммуникативное действие, то в основе системы – целерациональное, стратегическое действие, которое провоцирует властные эффекты. Пытаясь достичь успеха, субъект с необходимостью будет воздействовать на ситуацию другого субъекта с целью изменения его поведения в желаемом направлении.

По мнению Ю. Хабермаса, о власти, в точном смысле этого слова, мы можем говорить только как о медиуме координации действий в политико-административной системе. Внеязыковые системные медиумы управления имеют определенные аналоги в пределах институтов жизненного мира. Так, аналогами власти в жизненном мире можно считать такие феномены, как «влияние», «авторитет», «репутация», «престиж» и т. п. Однако, несмотря на такое формальное соответствие, между двумя группами феноменов существует кардинальное отличие. Оно состоит в том, что жизненно-мировые феномены, например такие, как «влияние», сопровождаются языковой коммуникацией и, таким образом, зависят от нахождения консенсуса, в то время как системные медиумы существуют вне языкового контекста и не направлены на взаимопонимание. Поэтому жизненно-мировые медиумы влияют на «убеж-

²⁰ См.: Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003; Он же. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Они же. Основы знания в повседневной жизни // Социология. 1992. № 1.

дения», в то время как системные медиумы вмешиваются в «ситуацию» субъекта социального действия.

Ю. Хабермас указывает на то, что власть как системный медиум координации действий может вмешиваться в жизненномировые интеракции и коммуникации. Такое вмешательство приводит к социальным кризисам и патологиям. По отношению к повседневной структуре социального взаимодействия власть как «интервенцию в ситуацию» можно истолковывать как нечто внешнее, привнесенное. В связи с этим главное замечание Ю. Хабермаса по отношению к М. Фуко состоит в том, что, по его мнению, М. Фуко некорректно отождествляет сферу социальности с определенным типом интеракции, а именно с ее инструментальным, стратегическим типом. Такой «имманентизм» в понимании власти неправомерно расширяет сферу стратегической интеракции и распространяет ее на ту часть бытия, которая, по своей природе, не принадлежит ей. Имеется в виду тот тип действия, который ориентирован не на успех, а на взаимопонимание. Если властные эффекты действительно имманентно присущи инструментальному действию, то в жизненномировой коммуникации мы встречаем тот тип рациональности, который базируется не на инструментальности, а на взаимном признании участников коммуникации как равных: «...инструментальные акты в той мере ограничены коммуникативностью, в какой они принимают участие в выполнении планов, связанных с планами других участников интеракции путем общего определения ситуации и процесса взаимопонимания»²¹.

Взаимное признание участников коммуникации как равных, в смысле признания равных шансов на рациональную аргументацию в дискуссии, является специфическим основанием коммуникации, той базовой моральной интуицией, которую все участники жизненного мира уже заблаговременно неявно принимают. Вступая в коммуникацию, мы заранее соглашаемся с тем, что другой может рационально объяснить свою мысль или привести рациональные аргументы против нашей. Влияние внеязыковых медиумов власти и денег может распространяться и на сферу коммуникации. Однако оно не является имманентно присущим этой сфере и может осмысливаться в ее пределах только как искажающее коммуникацию давление (эксплицитное или имплицитное). Избавление от подобных внешних принуждений может быть достигнуто на пути установления соответствующих правил коммуникации, главными из которых являются симметричное распределение шансов между партнерами при выборе и использовании языковых актов, а также следование правилу «лучшего аргумента».

²¹ Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. М., 2003. С. 36.

С данным обстоятельством связан и другой важнейший аргумент Ю. Хабермаса против концепции М. Фуко. По его мнению, отказ М. Фуко от анализа нормативных оснований коммуникации, по поводу которых возможна рациональная дискуссия, тем не менее не может быть вполне реализован, поскольку само различие между властью и контрвластью, производное от понятия отношения сил как условия обнаружения власти, требует нормативного определения. Чем в действительности для М. Фуко является генеалогия, так это «поддержкой требования внимания к локальным, неконтиуальным, дисквалифицированным, нелегитимным знаниям против требований унитарной теории, которая будет фильтровать, иерархизировать и упорядочивать их под именем определенного истинного знания...»²². Таким образом, теоретическую деятельность самого М. Фуко можно оценивать как форму контрвласти. Возникает вопрос: почему мы вообще должны оказывать сопротивление тотализирующему дискурсу и господствующей власти? Где те критерии, по которым можно было бы отличить «хорошую» власть от «плохой»? Очевидно, что ответ на эти вопросы предполагает референцию к ценностно-нормативной сфере. Вопрос «почему мы должны оказывать сопротивление?» касается мотивов деятельности, укорененных в определенных жизненномировых ценностных предпочтениях и нормативных экспектациях. А вопрос о «хорошей» или «плохой» власти является вопросом о ее легитимации, то есть тем вопросом, которого так старательно избегал М. Фуко.

Данные аргументы Ю. Хабермаса, несмотря на их теоретическую убедительность, тем не менее могут быть ограничены в своем значении применительно к реальности общественных отношений.

1. Специфической особенностью подхода Ю. Хабермаса является надежда на возможность полной рационализации жизненномировых способов социального взаимодействия, структуры повседневности. Однако такая позиция уже предполагает понимание наличия силовой подосновы как повседневных, так и чисто институциональных практик общения. Рационализация представляется им в качестве целебного средства, способного при помощи сознательного установления моральных принципов языковой коммуникации восполнить дефицит неуклонно девальвируемых в процессе модернизации традиционных ценностей, прежде обеспечивавших непосредственное взаимопонимание. Иными словами, всякое коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание, уже предполагает не только наличие социальной группы, в которой оно достигается, но и стратегические цели группы, в зависимости от которых группа устанавливает практики властного давления как внутри собственной социальной территории, так и вне ее. Взаимопонимание дости-

²² Foucault M. Two lecture. P. 22.

гается, главным образом, посредством нормализующего приведения индивидов (неофитов, детей) к пониманию того, что от них требует социальная группа. При этом мотив естественности и самоочевидности отношений в группе всегда взаимодополнителен к мотиву приведения в действие санкций, позволяющих вменить индивиду понимание конкретных групповых целей, которые член группы должен принять как собственные. С этой точки зрения понятие «правовая легитимация» и соответственно понятие «государство» есть лишь форма теоретической фиксации и одновременно способа производства конкретной исторической формы властных отношений на макроуровне существования крупных общественных групп – «национальных государств», возникших в Европе на исходе Средневековья.

2. Упрек Ю. Хабермаса в нормативной обусловленности позиции М. Фуко также неоднозначен, поскольку силовые отношения власти и контрвласти сами предполагают теоретическое подкрепление на уровне формы «знания», которое с этой точки зрения становится ничем иным, как средством политической борьбы. Поэтому позицию М. Фуко можно рассматривать именно как политическую позицию, а утверждение им нейтральной научности собственного описания доминирующей власти и ее тактик и стратегических целей, – как социальную критику, объективную оценку силового потенциала соперника. Ведь взаимопонимание там, где речь идет об удовлетворении всех без исключения требований одной из сторон, возможно только относительно содержания данных требований, то есть относительно их полного принятия или отрицания.

По сути, позиция М. Фуко есть радикальная политическая позиция, поэтому она не требует легитимации в заранее установленных (для современного общества в виде государства) нормативных формах отправления власти. Напротив, позиция Ю. Хабермаса идеалистична, поскольку он предполагает возможность полного упразднения эффектов власти в коммуникативной языковой практике, то есть осуществления идеала представительной демократии: социального государства, в котором различие власти и общественности было бы преодолено на основании принципа дискуссии – руководящего для формирования общественного мнения. В данном пункте Ю. Хабермас непосредственно поддерживает базовую феноменологическую интуицию о самодостаточности сознательной субъективной позиции агента социального действия, по существу, прямо развивая ее основные положения и, в частности, теоретический анализ феноменов жизненного мира. Однако подобная интуиция, проинтерпретированная исходя из базового понятия общего для всех агентов социального действия жизненного мира, лишается определенности при попытке сознательной рационализации его

оснований. Сознательное действие, направленное на установление устойчивой позиции субъекта в социальном окружении, сознательно формируемой субъективной позиции «Я», понятое исходя из практических попыток обретения субъектом понимания жизненномировых взаимосвязей, не может быть однозначно определено на основе теоретического различия коммуникативного и инструментального действия. Иными словами, оно не может быть сведено к различию субъективного требования понимания мира и необходимости объективного овладения им, поскольку данное различие невозможно подтвердить на практике.

Концепция М. Фуко фактически описывает фундаментальные основания возможностей субъективной ориентации в реалиях современных практик общественной жизни. М. Фуко демонстрирует, как исторически складывались специфические практические предпочтения и нормы видения социального мира различных слоев населения современных демократических государств. Показывает, почему даже осознание ритуального характера таких практик, составляющих поле социальных предпочтений конкретного индивида (от выбора института, в котором он должен учиться, вплоть до манеры одеваться), не лишает их действительности. Все практики властного воздействия, по его мнению, вписаны не в сознание, а в «тело» индивида, в качестве форм координации его активности. А действительность данных практик зависит от их способности удерживать тело в продуктивном состоянии, посредством установления специфических режимов социальной жизнедеятельности: питания, труда, отдыха, любви, творчества и т. д. Сознание с этой точки зрения получает скорее функцию общественного контроля и самоконтроля за исполнением подобных социальных практик, которые описывают круг возможностей самореализации индивида, опять же в соответствии с его полом, возрастом, социальной средой. Сознание также индуцирует возможность отрицания подобных воздействий на тело, его самочувствие, однако только по отношению к представлению о лучших «телесных» практиках. Попытки их осуществления в результате приводят к освоению новых опытов жизни, созданию новых форм властных отношений. То же относится и к правилам дискуссии. Не случайно, что в порядке дискуссии само сознание и его продукты (конкретные дискурсивные манифестации: программы, речи, политические проекты и т. д.) обычно описываются в пластических и пространственных терминах тела, как «гибкое», «жесткое», «хорошо составленный», «доступный пониманию аудитории» и т. д. Всякая речь в этом смысле оказывается формой «дискурса», то есть практически нацелена, и одновременно обусловлена определенной практикой. С данной точки зрения успех в дискуссии зависит от риторической эффективности «дискурса».

Следует также отметить, что с реалистичной точки зрения даже при полной прозрачности условий общественной дискуссии (экспликации знания происхождения статусных позиций каждого из ее участников всеми остальными) консенсус по конкретному вопросу возможен только при сохранении этих условий, то есть привычного режима бытия социально доминирующих участников обсуждения, поскольку режим телесных практик господствующих классов заранее признается подавляющим большинством представителей общности привилегированным и «наилучшим» с точки зрения открытия возможностей осуществления индивидом свободного отношения к своим практикам. Свобода высказывания в этом смысле оказывается лишь слабым намеком на действительно индивидуально востребованную свободу практики.

Таким образом, М. Фуко демонстрирует конфликтный характер всех возможных социальных взаимодействий, трактуя его посредством взаимодополнительных понятий власти и контрвласти, а также показывает зависимость сознательного опыта от практических «телесных» форм его осуществления. Однако подобная радикальная позиция не позволяет понять, каким образом достигается равновесие сил на любом из уровней властных отношений. Ведь было бы явным упрощением реальной картины социальной практики предположение о том, что разнообразные области социального взаимодействия характеризуются тотальным единством позиций власти и контрвласти. Подобная заостренность позиций характерна только для революционного взрыва либо для тоталитарного государства. Несомненно, в своем нормальном состоянии в любом из социальных полей власть не составляет однородного массива практик, правил и политических установок, что и подчеркивается М. Фуко. То же относится и к общности. Напротив, мы имеем многообразие конфликтующих между собой позиций, например партийных программ в поле политики. Важно в связи с этим дать ответ на поставленный выше вопрос: каким образом достигается взаимопонимание (пусть и не в форме логики рациональной дискуссии Ю. Хабермаса, а по принципу случайного баланса сил М. Фуко) там, где на поверхности высказываний о природе общественной жизни, как в поле политики, имеется только конфликтное противостояние? Каким образом поддерживается равновесие между государственной властью и политической игрой претендующих на власть партий, в свою очередь зависящих от собственного электората, то есть сам по себе режим представительной демократии? И это учитывая тот факт, что правовые формы регулирования данных отношений, вопреки общественному мнению и правовой научной традиции демократических обществ, представляют собой лишь эффекты силовых взаимодействий их собственных контрагентов.

3. Теория власти и государства Пьера Бурдьё

Попыткой ответа на данный вопрос, по существу, является теория современного общества другого влиятельного философа и социолога современности П. Бурдьё. В своей концепции П. Бурдьё совмещает элементы субъективистского анализа с указанием на его структурные ограничения. Такого рода совмещение демонстрируется посредством эмпирического применения к реалиям конкретных обществ диалектически взаимосвязанных понятий «*социального габитуса*» и «*социального поля*», замещающих собой традиционную для социологического исследования взаимодополнительность понятий «*субъекта социального действия*» и «*социального порядка*».

1. В противоположность функционалистскому и феноменологическому понятию *субъекта*, П. Бурдьё вводит понятие *агента* социального действия. В связи с этим он подчеркивает, что понятие «субъект» используется в широко распространенных представлениях о «моделях», «структурах», «правилах», когда исследователь как бы встает на объективистскую точку зрения, видя в субъекте марионетку, которой управляет структура, и лишает его собственной активности. В этом случае субъект рассматривается как тот, кто реализует сознательную целенаправленную практику, подчиняясь определенному правилу. Напротив, агенты у Бурдьё «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы»²³. Агенты осуществляют стратегии – своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. П. Бурдьё предлагает в качестве основы для объяснения практики агентов не теоретическую концепцию, построенную для того, чтобы представить эту практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», а описывает саму логику практики через такие ее феномены, как практическое чувство и стратегии поведения, которые являются своеобразными эффектами того, что он называет *габитусом* социального агента.

Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом. Габитус, таким об-

²³ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 19.

разом, «есть продукт характерологических структур определенного класса условий существования, то есть экономической и социальной необходимости, и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и т. п.)»²⁴.

Габитус, по П. Бурдье, есть в одно и то же время *порождающий принцип*, в соответствии с которым объективно классифицируется практика, и *принцип классификации* практик в представлениях агентов. Отношения между этими двумя процессами определяют тип габитуса: способность продуцировать определенный вид практики, классифицировать окружающие предметы и факты, оценивать различные практики и их продукты (то, что обычно называют вкусом), что также находит выражение в пространстве стилей жизни агентов. В этом своем качестве габитус включает в себя когнитивные структуры познания мира, которые, однако, в противоположность представлению феноменологов, «являются не формами сознания, а телесными предрасположенностями»²⁵. Связь, устанавливающаяся в реальности между определенным набором экономических и социальных условий (объем и структура капиталов, имеющихся в наличии у агента) и характеристиками занимаемой агентом позиции (соответствующим пространством стилей жизни), кристаллизуется в особый тип габитуса и позволяет сделать осмысленными как сами практики, так и суждения о них.

По сути, агенты социального действия существуют в социальном универсуме в двух ипостасях: во-первых, как «реальность первого порядка», данная через *распределение материальных ресурсов* и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей («виды капитала», по П. Бурдье); во-вторых, как «реальность второго порядка», существующая в представлениях, в схемах мышления и поведения, то есть как *символическая матрица* практической деятельности, поведения, мышления, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов.

С этой точки зрения «прежде всего социология представляет собой *социальную топологию*. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме»²⁶. Такие свойства

²⁴ Бурдье П. Начала. С. 98. Подробнее см.: Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2002.

²⁵ Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М.; СПб., 1999. С. 159.

²⁶ Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 56–57.

П. Бурдьё определяет в понятии *символического капитала* агента. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их *относительным позициям* в этом пространстве. «Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям (то есть в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно»²⁷. Говоря о позиции агентов в пространстве, П. Бурдьё подчеркивает, что социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в «чистом виде»: только как социальное или только как физическое. «...Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура»²⁸.

Таким образом, общество как «реальность первого порядка» рассматривается в аспекте социальной физики как внешняя объективная структура, узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться». Субъективная же точка зрения на общество как на «реальность второго порядка» предполагает, что социальный мир является «контингентным и протяженным во времени осуществлением деятельности уполномоченных социальных агентов, которые непрерывно конструируют социальный мир через практическую организацию повседневной жизни»²⁹. П. Бурдьё подчеркивает, что социальное пространство есть не только «реализация социального деления», понимаемого как совокупность позиций, но и пространство «видения этого деления», а также не только занятие определенной позиции в пространстве, но и выработка определенной (политической) позиции. «Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур»³⁰.

Таким образом, посредством понятия *габитуса* П. Бурдьё, по сути, разъясняет эмпирический смысл понятия *власти* М. Фуко, показывая, что практическое действие агента социального действия опосредовано его расположением в социальном пространстве, которое в свою очередь соответствует его силовому потенциалу (символическому капиталу). При этом само социальное пространство организуется как пространство силового взаимодействия позиций в данном пространстве, то есть как стратегическое пространство конфликтного взаимодействия агентов. Необ-

²⁷ Бурдьё П. Социальное пространство... С. 57.

²⁸ Бурдьё П. Физическое и социальное пространства // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 37.

²⁹ Бурдьё П. Начала. С. 113.

³⁰ Бурдьё П. Физическое и социальное пространства. С. 38.

ходимо подчеркнуть, что социальное пространство не зависит от мысленных установлений вписанных в него агентов. Напротив, практики агентов получают свою определенность в зависимости от позиции в социальном пространстве. В связи с этим любая попытка агента установить новую позицию в социальном пространстве возможна только через ее определение по отношению ко всем остальным позициям. По существу, всякая новая позиция в результате оказывается продуктом взаимодействия уже имеющихся позиций в практиках социальных агентов, а не следствием сознательного проекта субъекта социального действия, что бы он сам по этому поводу ни думал. Чтобы прояснить указанные особенности социального пространства, П. Бурдьё вводит понятие *социального поля*.

2. Социальное поле, по П. Бурдьё, – это специфическая система объективных связей между различными *позициями*, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают. Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них (эти позиции находятся в отношении гомологии друг с другом).

При синхронном рассмотрении социальные поля представляют собой *структурированные пространства позиций*, которые и определяют основные свойства полей. Анализируя такие различные поля, как, например, поле политики, поле экономики, поле религии, П. Бурдьё обнаруживает инвариантные закономерности их конституирования и функционирования, к которым относятся: *определение «ставок» игры и специфических интересов*, которые несводимы к «ставкам» и интересам, свойственным другим полям, *борьба за установление внутреннего деления поля на классы позиций (доминирующие и доминируемые)* и *социальные представления о легитимности именно этого деления, автономный характер существования каждого поля* и т. п. Каждая категория интересов содержит в себе индифферентность к другим интересам, к другим инвестициям капитала, которые будут оцениваться в другом поле как лишённые смысла. Для функционирования поля необходимо, чтобы ставки в игре и сами люди были готовы играть в эту игру, имели бы *габитус*, включающий знание и признание законов, присущих игре. Структура поля, таким образом, есть состояние соотношения сил между агентами или институтами, вовлеченными в борьбу, где распределение специфического капитала, накопленного в течение предшествующей борьбы, управляет будущими стратегиями. Эта структура, которая представлена, в принципе, стратегиями, направленными на ее трансформацию, сама поставлена на карту: поле есть место борьбы, имеющее ставкой мо-

нополю легитимного насилия, которая характеризует рассматриваемое поле, то есть в итоге сохранение или изменение распределения специфического капитала.

Важнейшей особенностью всякого социального поля является его *автономия*: оно не имеет частей, составляющих. Каждое поле и субполе имеет свою собственную логику, свои правила, свои специфические закономерности, и каждый этап деления поля вызывает настоящий качественный скачок (как, например, когда переходят от уровня поля политики в целом к субполю международной политики государства). Каждое поле конституирует потенциально открытое пространство игры, ограничения которого есть динамические границы, являющиеся ставками в борьбе внутри самого этого поля. Поэтому в своей теории экономики полей П. Бурдьё отмечает необходимость всякий раз идентифицировать те специфические формы, в которых проявляются в различных полях наиболее общие концепты и механизмы (капитал, инвестирование, интерес и др.), и избегать, таким образом, какого бы то ни было редукционизма, но особенно редукционизма экономического, признающего лишь материальные интересы и стремление максимизировать денежную выгоду.

Автономный характер существования поля, тот факт, что смысл ставок в конкретном поле не имеет значения в других полях, объясняет устойчивость физической и смысловой структуры социального поля. Именно поэтому радикализм позиции внутри одного из социальных полей способен его уничтожить, как это случилось с политическим полем в России после революции 1917 года, когда политические функции были полностью сосредоточены в руках государственного бюрократического аппарата. Но он не способен полностью модифицировать правила игры на других полях: скажем, идеологический заказ в поле искусства в советский период оказался не способен упразднить специфические эстетические правила его функционирования. Именно в силу автономии различных социальных полей специфические символические ставки в борьбе за власть над одним из них не способны окончательно подняться до господства над всем пространством социального универсума. В этом смысле, хотя *политическая логика власти, борьбы силовых потенциалов за власть над тем или иным социальным полем характерна для всей совокупности полей, она специфицирована согласно различным, не тождественным друг другу, правилам функционирования каждого отдельного поля.*

Поэтому *политическое поле в собственном смысле* как поле соперничества за власть в современном государстве, существующем по нормативным правилам представительной демократии, оказывается особым социальным универсумом. Логика его функционирования при этом не совпадает ни с логикой бюрократического поля государственных институтов, прежде все-

го исполнительной власти, ни с логикой формирования общественного мнения электората политических партий в СМИ (поле журналистики). В русле целостной концепции поля анализ борьбы, которую ведут агенты в поле политики, представляет собой также анализ сил, направленных на сохранение или изменение сложившейся социально-политической структуры и на легитимацию власти сил, доминирующих в политическом поле. П. Бурдые показывает, что основной ставкой в политической игре является не столько монополия использования объективированных ресурсов политической власти (финансов, права, армии и т. п.), сколько монополия производства и распространения политических представлений и мнений: именно они обладают той «мобилизующей» силой, которая дает жизнь политическим партиям и правящим группировкам. Политическое поле партийных организаций структурировано как особое политическое пространство конкурирующих способов представления общества. Эти способы навязываются общественности в качестве единственно возможных, а сам процесс подобного предложения разделить точку зрения оказывается способом политической мобилизации. При этом, предлагая программу действий, политическая партия должна постоянно подчеркивать исключительность собственной позиции в политическом поле, то есть позиционироваться в нем. Существовать в поле – значит различаться. Любой социальный феномен существует через различие с другими социальными феноменами. Как замечает П. Бурдые: «Перестать различаться – это проблема центра в поле политики – значит перестать существовать, и нет ничего более опасного, чем сходство, растворяющее вас в тождестве. Тогда становится видно, что, находясь в оппозиции, два полюса получают взаимную выгоду. В пределе их единственным содержанием может быть одно только отношение оппозиции»³¹.

Однако этот же процесс различения делает поле политики автономным как по отношению к государству, так и по отношению к собственному электорату, поскольку создается особый эзотерический язык политического общения, постулирующий радикальное различие между политическими позициями даже там, где его нет, и указывающий на особые партийные интересы и ставки в политической игре. Знание этого языка и этих ставок становится условием доступа агента в политическое поле, получения им статуса «профессионального политика», со всеми последующими материальными и символическими выгодами. Правила политической игры разделяются всеми участниками и, за исключением редких случаев (например, коммунистическая партия в России 1917 г.), признаются ими незыблемыми, что, собственно, и превращает политическое поле в автономное поле политической игры, наде-

³¹ Бурдые П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // С/Л ' 2001. Социоанализ Пьера Бурдые. СПб., 2001. С.126.

ленной смыслом для каждого ее участника.³² Кроме того, различие в политических позициях непосредственно связано с циркуляцией в обществе представлений о социальных проблемах. А поскольку население страны составляет электорат политических партий, в нормальных условиях существования политического поля именно чуткость к отбору, точному, дифференцирующему определению актуальных социальных проблем и их последующее продвижение являются другим условием борьбы за власть в политическом поле. Способность к мобилизации электората оказывается индикатором силы отдельных агентов политического поля, поэтому наличие актуальных социальных проблем в рамках представительной демократии служит условием существования и политического поля, и самой представительной демократии.

В этом смысле публичная повестка дня есть подвижное пространство, в котором различные силы, стремящиеся играть на политическом поле (государственные, партийные, общественные организации), борются за его захват, мгновенное доминирование в этом пространстве, каждая в соответствии с собственной стратегией и тактикой ради достижения собственных интересов. Периодически, соответственно собственным интересам и функциям, в эту игру включаются другие социальные поля – экономическое, юридическое, педагогическое, религиозное, поля науки и искусства. Представители последних (за исключением экономических лоббистских групп) выступают на политическом поле, главным образом, в качестве экспертов и строго блюдут собственную автономию в конкурентной борьбе друг с другом.

Особое место в данном процессе занимает поле журналистики, социальное пространство СМИ. П. Бурдье отмечает все возрастающее влияние деятельности СМИ на современные и модернизирующиеся общества, поскольку рейтинг СМИ есть лишь результат эффективности работы конкретного СМИ по установлению рейтинга привлекательности тех или иных символических позиций в других социальных полях. По существу, принцип устанавливаемого в СМИ рейтинга (политиков, политических партий, писателей, произведений искусства, деятелей культуры и т. д.) оказывает все большее влияние на оценки и вкусы подавляющей массы населения современных обществ, деформируя традиционные критерии распределения символического капитала в отдельных социальных полях, прежде всего в полях политики, искусства и образования, наиболее зависимых от массового потребителя их продуктов.³³

³² См.: Бурдье П. Политическое представление: элементы теории политического поля // Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

³³ Подробнее см.: Бурдье П. Поле политики...

Все социальные поля и их действующие лица представляют своеобразные полюса власти, которая обладает мобилизующей общественность силой. И именно поэтому они тщательно мистифицируют собственную власть в плане наличия или отсутствия ресурсов (в зависимости от ситуации) формировать способы решения социальных проблем и проводить их в жизнь.

Так поступает и современное государство, общепризнанный центр властных полномочий, различными способами сокращая собственную властную компетенцию и одновременно оставляя за собой конституционно закрепленное право на радикальные, силовые методы воздействия в кризисных ситуациях по отношению к едва ли не всякой сфере общественного бытия. В этом смысле государство (помимо внешнеполитических функций) принимает на себя функцию охраны общественного порядка. Но именно поэтому оно же берет на себя эпистемологическую функцию определения того, какую ситуацию следует считать кризисной, а какую нет. Ввиду этого все остальные субъекты публичного политического пространства, заявляя о тех или иных социальных проблемах, оказываются в неудобном, не вполне легитимном положении, которого во многих случаях и ищут. В этом обстоятельстве проявляется вечная политическая проблема, сопутствующая существованию всех без исключения демократических институтов – проблема принятия на себя ответственности за политические решения. В условиях демократии легитимируются только институт и его ролевая функция, но не само социальное действие.

Согласно П. Бурдьё, подобная ступенчатая структура продвижения социальных проблем снизу вверх к инстанции решения: электорат (общественность) – политическое поле – государственная бюрократия (исполнительная власть) – появилась не сразу, но сформировалась в Европе в течение долгой исторической эволюции, в ходе которой возникло представление о государстве как высшей инстанции решения социальных проблем, признанных с высоты государственной власти ее собственными проблемами.

3. Само понятие *государства*, с точки зрения П. Бурдьё, сложилось постепенно посредством концентрации в привилегированной точке власти функций распределения и контроля за различными видами капитала, то есть контроля за социальными полями его производства:

– капитала *физического принуждения*, что выразилось в постепенном формировании зависимых только от государства (первоначально короля) вооруженных сил: армии (функция межгосударственного соперничества) и полиции (функция поддержания внутреннего порядка), а также в упразднении любых иных форм их концентрации;

– *экономического* капитала посредством создания единой системы налогообложения и образования соответствующих исполняющих данные функции органов, со свойственными им знаками отличия и структурой контроля;

– *информационного* капитала посредством тотализации, объективации и кодификации учета народонаселения, картографирования государственной территории и унификации языковых, письменных и иных форм коммуникации, в результате чего, собственно, и возникли не только национальные культуры, но и само понятие нации;

– *символического* капитала посредством концентрации функции одаривания подданных (позже граждан) символическими привилегиями (почестями, орденами, званиями и т. д.) и статусными позициями в обществе, иногда сводящейся к простому подтверждению самим актом одаривания и награждения общественного авторитета того или иного лица.

По мнению П. Бурдье, важнейшую роль в формировании понятия государства, в образовании самой структуры представления о нем, а следовательно, и специфических практик объективации данного понятия в реальности социальных взаимосвязей, сыграло формирование особого вида символического капитала: его юридической формы. Первоначально концентрация юридического капитала проходила в виде постепенного сосредоточения судебной власти в руках короля и его чиновников. Сословие юристов легитимировало себя в качестве профессиональных компетентных знатоков норм права и со временем включило в область собственной компетенции самые разнообразные функции государственного управления от сбора налогов до комиссий по учету сословного состава населения. Как таковые юристы, не обладая непосредственно высшей властью, обозначили универсальный характер своих притязаний посредством теоретической универсализации собственных интересов, в качестве определенных в нормах права универсальных интересов всех подданных. Таким образом, при помощи легитимирующих монополий физического и символического насилия правовых теорий, оправдывавших концентрацию разнообразных форм капитала в привилегированной точке власти интересами нации, было сформировано понятие о государстве. Как следствие, сформировались, с одной стороны, автономное *юридическое поле* отправления судебной власти в соответствии с универсальными нормами государственного права и, с другой – *бюрократическое поле* исполнительной власти государства, понятого в качестве универсального проводника правовых норм в действительность.³⁴ Теория госу-

³⁴ Подробнее см.: Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М.; СПб., 1999; Он же. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // S/Л ' 2001. Социоанализ Пьера Бурдье. СПб., 2001.

дарства П. Бурдые также позволяет проследить практические следствия подобного рода правовой универсализации.

Он отмечает, что «установление государственной монополии физического и символического насилия неотделимо от становления поля борьбы за монополию привилегий, связанных с этой монополией. В качестве компенсации за унификацию и относительную универсализацию, которая ассоциируется с возникновением государства, выступает монополизация некоторыми всеобщих ресурсов, которые это государство производит и предоставляет... Но эта монополия универсального может быть достигнута только ценой подчинения (по меньшей мере внешнего) этому универсальному и всеобщим признанием универсалистского представления о господстве, представляющемся как законное, бескорыстное. Те, кто, как Маркс, опрокидывают официальный образ, который бюрократия хочет создать о себе самой, и кто описывают бюрократов как узурпаторов всеобщего, действующих как частные собственники государственных ресурсов, – не принимают во внимание вполне реальные эффекты обязательной отсылки к ценностям нейтралитета и бескорыстной преданности государственному интересу, который все более становится необходим функционерам государства по мере продвижения вперед истории длительной работы по символическому конструированию, в результате которой создается и внедряется официальное представление о государстве как месте универсального и месте служения общему интересу»³⁵. Служение общему интересу, таким образом, оказывается и формой оправдания существования государственной власти, и принципом ее формирования. Именно поэтому, по словам П. Бурдые, «государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического – концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакapи́тала, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами. Концентрация различных видов капитала (которая идет вместе с формированием соответствующих им полей) в действительности приводит к *возникновению* некоего специфического капитала, собственно государственного, позволяющего государству властвовать над различными полями и частными видами капитала, а главное – над обменным курсом между ними (и тем самым над силовыми отношениями между их владельцами). Из этого следует, что формирование государства идет вместе с формированием *поля власти*, понимаемого как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его

³⁵ Бурдые П. Дух государства... С. 163–164.

видов) борются *именно* за власть над государством, то есть над государственным капиталом, дающим власть над различными видами капитала и над их воспроизводством»³⁶.

Декларативное следование в своих решениях, номинациях и определениях принципу всеобщего интереса как высшему благу превращает государство в магический источник подтверждения истинности любого феномена социального мира, всех частных интересов и претензий. Как замечает П. Бурдьё, «номинация или назначение в конечном итоге представляет собой очень таинственное действие, логика которого очень близка логике магии... Так же как колдун призывает весь капитал веры, накопленный деятельностью магического мира, президент республики, подписывающий приказ о назначении, или врач, подписывающий медицинский сертификат (больничный лист, справку об инвалидности или что-то еще), мобилизует символический капитал, накопленный в и посредством всей сети отношений признания, неразрывно связанной с функционированием бюрократического мира. Кто подтверждает законность сертификата? Тот, кто подписывает документ, дающий право сертифицировать (лицензию). Но кто подписывает этот документ? Мы втягиваемся в бесконечный ряд, в конце которого “нужно остановиться”, и мы можем в теологической манере выбрать последнее или первое звено в этой длинной цепи официальных актов подтверждения для того, чтобы дать ему имя “Государство”. Действуя наподобие банка символического капитала, оно гарантирует все документы, акты одновременно произвольные и незамечаемые в таком их качестве, то есть “законный обмен”³⁷. Иными словами, «если государство в состоянии осуществлять символическое насилие, то оно воплощается одновременно объективно в виде специфических структур и механизмов и «субъективно», или, если хотите, в головах людей, в виде мыслительных структур, категорий восприятия и мышления. Реализуясь в социальных структурах и в адаптированных к ним ментальных структурах, учрежденный институт заставляет забыть, что он является результатом долгого ряда действий по институционализации и представляется со всеми его внешними признаками *естественности*»³⁸.

Утверждение универсального характера понятия государства превратило его аппарат в некую идеальную структуру, каждый член которой существует в качестве представителя государства лишь в меру его приверженности всеобщему интересу, которую он должен действительно подтверж-

³⁶ Бурдьё П. Дух государства... С. 135.

³⁷ Там же. С. 150–151.

³⁸ Там же. С. 134.

дать. В силу данного обстоятельства государство становится своего рода идеальным символическим объектом. Это обстоятельство непосредственно выражается в понятии представительной демократии как номинальной форме реализации всеобщего участия во власти посредством ее выбора. Во время выборов каждый гражданин как бы становится агентом всеобщего интереса. Не случайно именно представительная демократия стала последней и, по всеобщему мнению, высшей формой государственного правления, а бюрократия ее анонимным проводником, последней инстанцией принятия и исполнения решений, реализующих этот всеобщий интерес. Очевидно, что именно подобное сведение понятия государства к средству реализации всеобщего интереса как раз и позволяет отождествить его в модерном общественном сознании с понятием представительной демократии и одновременно отделить от конкретных физических лиц, реализующих государственную власть на практике. Именно с этой точки зрения государство как таковое превращается в инстанцию, возвышающуюся над любым конфликтом, становится универсальным судьей, призванным их разрешать. А любое неправильное решение относится на счет эгоистичной человеческой природы, вторгающейся в практику чиновника незаметно для его сознания, либо объявляется следствием коррупции – этого универсального вида предательства всеобщего интереса.

Заключение

Проблема власти является симптомом, выражающим характерную для современного общества массовую претенциозность, не имеющую границ претензию каждого отдельного индивида на всеобщее признание его достоинства, принципиально бессодержательную точку индивидуальности. Заполнить эту пустоту невозможно иначе, как в виде привилегии, особого дара власти, неизменно случайного (в противном случае у безусловной, неограниченной позиции индивидуальности появляются условия и границы) и неизбежно необходимого (поскольку право власти всегда естественно). Достоинство без определения (профессионального, семейного, нравственного авторитета), претензия без оснований – чистая форма подобной практической установки. Ее массовое воплощение в условиях современных демократических режимов власти проявляет основные апории и проблемы феномена власти как такового и реализуется в виде парадокса существования государственной власти как, с одной стороны, гаранта нормативного правопорядка, а с другой – единственной инстанции, правомочной его отменить. При этом и гарантии, и отказ от всех форм обязательств и условий осуществимы только на основании анонимности их источника, безличной власти непредставимого и не афишируемого отказа от творческой претензии, характерного для бюрократического типа практики и, по существу,

во всех смыслах безответственного, исполненного ложного пафоса служения нуждам времени, то есть «всеобщему интересу». На это есть только один философский ответ: «Есть фраза Арто: писать *для* безграмотных – говорить для безъязыких – мыслить для безголовых. Но что значит здесь «для»? Это не «обращаясь к...» и даже не «вместо...». Это значит «перед лицом...». Это вопрос становления. Мыслитель – не безголовый, безъязыкий или безграмотный, но становится ими. Он становится индейцем, вновь и вновь становится им – возможно, «для того», чтобы тот индеец, который действительно индеец, сам стал кем-то другим и вырвался из своей агонии. Мы мыслим и пишем даже для зверей. Мы становимся зверем, чтобы и зверь тоже стал чем-то иным. Агония крысы или казнь коровы остаются присутствовать в мысли – не из жалости, но в качестве зоны взаимообмена между человеком и животным, где от одного что-то переходит к другому. Это и есть конститутивное отношение философии с не-философией. Становление всегда двойственно, и именно в таком двойном становлении образуются грядущий народ и новая земля. Философ должен стать не-философом, чтобы не-философия стала землей и народом философии. Даже такой рассудительный философ, как епископ Беркли, все время говорит: «мы ирландцы, чернь...» Народ находится внутри философа, потому что это «становление народом», но для этого нужно, чтобы и философ находился внутри народа как столь же беспредельное становление. Конечно, художник или философ неспособны сотворить новый народ, они могут лишь призывать его – изо всех своих сил. Народ может быть сотворен только в страшных страданиях и уже не может больше заниматься искусством или же философией. Однако книги по философии и произведения искусства тоже содержат в себе свою невероятную сумму страданий, позволяющих предчувствовать пришествие нового народа. Общим для них является сопротивление – сопротивление смерти, сопротивление рабству, сопротивление нетерпимому, сопротивление позору, сопротивление настоящему»³⁹.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Бергер П., Лукман Т. Основы знания в повседневной жизни // Социология. 1992. №1.
3. Болл Т. Власть // Психология и психоанализ власти. Самара, 1999. Т.1.
4. Бурдые П. Начала. М., 1994.
5. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2002.
6. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля// Поэтика и политика. М.; СПб., 1999.

³⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 142–143.

7. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
8. Бурдье П. Физическое и социальное пространства // Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
9. Бурдье П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // S/Л ' 2001. Социоанализ Пьера Бурдье. СПб., 2001.
10. Бурдье П. Политическое представление: элементы теории политического поля // Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
11. Бурдье П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // S/Л ' 2001. Социоанализ Пьера Бурдье. СПб., 2001.
12. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.
14. Миллс Ч. Властвующая элита. М., 1959.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2000.
16. Фуко М. Воля к знанию (1-й том Истории сексуальности) // Фуко М. Воля к истине. М., 1996.
17. Фуко М. Интеллектуалы и власть (Статьи и интервью 1970–1984 годов). М., 2002. Т. 1.
18. Фуко М. Интеллектуалы и власть (Статьи и интервью 1970–1984 годов). М., 2005. Т. 2.
19. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
20. Шмидт К. Политическая теология. М., 2000.
21. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003.
22. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
23. Bell D. Power, influence and authority: An essays in political linguistics. N.Y., 1975.
24. Critique and Power: Recasting the Foucault / Habermas Debate. Cambridge, Mass., L.: MIT Press, 1994.
25. Foucault M. Two Lectures // Power and Critic. Cambridge, Mass. and L., England: The MIT Press, 1994.
26. Foucault: A Critical Reader. Oxford: Blachwell, 1986.
27. Foucault contra Habermas: Recasting the Dialogue between Genealogy and Critical Theory. L.: Sage Publications, 1999.
28. Giddens A. Power in the recent writings of Talcott Parsons // Sociology . 1968. Vol. 2.
29. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. Vol. 1–2.
30. Parsons T. The distribution of power in American society // Structure and Process in Modern Societies. Free Press, 1960.
31. Parsons T. On the concept of political power // Proc. Amer. Philos. Soc., 1963. Vol. 107.
32. Parsons T. Some reflections on the place of force in social process // Internal War, Free Press. 1964 (Footnotes).

Оглавление

Введение	3
1. Функционалистская теория власти Талкота Парсонса	12
2. Дискуссия Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса о природе власти	13
3. Теория власти и государства Пьера Бурдьё	26
Заключение	37
Библиографический список	38